

Илья Рясной

Мутное время

записки

советского

офицера

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Рясной

**Мутное время. Записки
советского офицера**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Рясной И. В.

Мутное время. Записки советского офицера / И. В. Рясной —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Горячие точки. Кавказ. Борьба с московскими ОПГ. Работа военной прокуратуры. Криминал. Это не только трагедия, но еще истинный театр абсурда. Об этом и пишет автор, окончивший военный институт, побывавший и криминальным репортером, и следователем, и оперативником...Содержит нецензурную брань.

Илья Рясной

Мутное время. Записки советского офицера

В бытность свою курсантом Военного краснознамённого института, следователем военной прокуратуры, криминальным репортёром, оперативным сотрудником уголовного розыска автору этих строк пришлось повидать немало. Трудно сказать, набрался ли он мудрости, но хотя бы было смешно, а иногда и весело. Порой даже слишком весело, чтобы стать печальным...

Глава 1 Расстрел

– Поехали на «таблетке», – предложил я своим товарищам.

Вот хоть что-то ёкнуло бы у меня внутри! Хоть как-то повеяло бы холодом смерти, которая в этот момент встала за нашими плечами во весь рост! Ничего – интуиция подло молчала...

Это был 2006 год. Пятеро сотрудников Департамента уголовного розыска МВД России – это наша группа по борьбе с терроризмом, прикомандированная к бригаде Генеральной прокуратуры по Северному Кавказу. Дислоцировались мы в мобильном отряде МВД России по Ингушетии в посёлке Карабулак недалеко от Назрани – столицы Республики.

Из моботряда мы обычно добирались утром до МВД Ингушетии, получали задания, потом «работали работу». И каждый день вставал вопрос – как добраться до места целыми и невредимыми. В республике шла настоящая террористическая война. Порой мобильный отряд предоставлял нам транспорт. Чаще всего это была «таблетка» – такая медицинская машина защитного цвета и с красным крестом на борту на базе фургона УАЗ-452. В неё как раз помещался весь наш небольшой коллектив, да ещё место оставалось.

«Таблетка» постоянно курсировала по всему Северному Кавказу по разным медицинским и хозяйственным делам. В тот день врач отряда Серёга Коногов – старший лейтенант из Нижнего Новгорода, собрался во Владикавказ за медикаментами, а заодно прихватил с собой оперативника по линии БЭП для медицинской консультации в госпитале.

– Слушай, – сказал Сашка Х., уважаемый полковник из нашего Главка и мой хороший товарищ. – Пока врач бумаги оформит, путевой лист, копию приказа сделает. Так мы уже в Назрани будем. Пошли на маршрутку.

Ну, пошли так пошли. Передвигались мы в «партикулярном платье», то есть в гражданской одежде, с надёжно спрятанным табельным оружием. Внимание к себе старались не привлекать. Маршрут был отработанный. И вот мы в раздолбанной, подсакивающей на ухабах, маршрутной «Газели». Смотрим на едущих в столицу солидных аксакалов, тупящих глаза женщин. Напротив меня сидит худенький парнишка лет восемнадцати в шапочке и самозабвенно листает карманный «Коран», шепча под нос суры.

Едва мы добираемся до здания министерства, как там звучит тревога. Все суетятся, бегают.

– Расстрел! – только и слышим мы.

Ну, тут это дело нередкое, точнее постоянное. К расстрелам мы уже привыкли.

– Кого уложили? – спрашиваю заместителя начальника угрозыска.

– Машину из мобильного отряда расстреляли! В Карабулаке.

Какой-то холод внутри меня – он ползёт по телу, сковывая его.

- Что за машина? – пытаюсь уточнить я.
- Да не знаю ничего! Поехали, увидим!

Окраина Карабулака. Улица перегорожена бронетехникой местного ОМОНа и мобильного отряда. Перед милицейским оцеплением скопилась толпа народа – сосредоточенного, угрюмого. Какой-то дед зло кричит:

- Надоели эти террористы! Этих хулиганов расстреливать надо! Нет порядка!

А на обочине наша «таблетка». Вся похожа на дуршлаг – в пулевых отверстиях. Позже криминалисты насчитают их больше полусотни штук – тютелька в тютельку высадили два рожка из автоматов Калашникова. В кабине лежит тело водителя Паши – какое-то несуразно переломанное, напоминающее повреждённую куклу, тоже всё продырявленное, в крови. В салоне ещё одно изрубленное автоматными пулями тело – врача отряда Сергея Коногова. А рядом стоит ехавший на этой машине Эдик – оперативник УБЭП из Удмуртии. На нём ни царапинки. Он белый, как полотно, и пошатывается, будто пьяный.

– Только выехали на трассу, – сбивчиво объясняет он. – И пошла на обгон белая «девятка». Поравнялись с нами – и оттуда давай по нам из окон шмалять без остановки. Пашка, как началась стрельба, по тормозам врезал – думал, «девятка» вперёд проскочит, и гады промахнутся. Не тут-то было. Все пули в цель легли. Как наша машина тормозить стала, я от толчка на пол полетел. А когда всё кончилось, выскочил с автоматом из машины. Но это чёртова «девятка» уже далеко ушла – стрелять бесполезно было.

Оперативник прекрасно понимал, что это резкое торможение и его падение на пол спасли ему жизнь. Все пули, дырявившие борта «таблетки», прошли в считанных сантиметрах над ним. И ни одна даже не задела. Для него это было чудо. А вот врача отряда и водителя чудеса не побаловали.

Начинаются контртеррористические мероприятия, перекрываются дороги. Мы с начальником угрозыска мобильного отряда усаживаемся в новенький БТР, принадлежащий ОМОНу Ингушетии. Начрозыска служил в армии мотострелком, потом много лет отдал Московскому ОМОНу. Он тут же усаживается за КПВТ – крупнокалиберный пулемёт, и начинает обводить стволом окрестности. Мы двигаемся по пути возможного отхода террористов.

Едем вдоль сплошной зелёнки – плотных лесных зарослей. Водитель БТР, у которого какое-то отчаянно-приподнятое настроение, как перед броском на вражеские окопы, сообщает:

- Бортом к зелёнке идём! Сейчас дадут из гранатомёта – и всем нам конец!
И улыбается радостно так.

– Ну, так у нас приказ, – заявляет начальник розыска, в прицел рассматривая окрестности.

- А я чего? Я не против! – с энтузиазмом сообщает водитель.

Никто по нам не лупит из «зелёнки». Тормозим, исследовав свой участок. Вскоре появляется СОБР.

- Командир группы, оглядывая бесконечный лес, качает головой:

– В «зелёнку» со своими людьми соваться не имею права. По лесам спецназ ГРУ работает. Я просто людей своих положу, мы под это не заточены.

Да, в общем-то, мало кто верит, что машина с террористами где-то там, и ещё в пределах досягаемости. Но где-то должна она быть. Эта проклятая белая «девятка» как Летучий Голландец – предвестник смерти. Она уже не первый раз появляется на трассах Ингушетии. И всегда после неё остаются продырявленные борта машин и тела, тела, тела, изрешечённые пулями. И пропадает тоже как Летучий Голландец – без следа. Все наши планы «Перехват», перекрытие дорог ничего не дают. Эта проклятая машина растворяется как заколдованная. Сваливает по каким-то горным тропам или отстаивается в убежищах, чтобы снова выйти на охоту. По Республике катится непрекращающаяся волна террора.

И вот опять результата нет. «Девятка» растворилась. Летят в Москву шифротелеграммы, а оттуда приходят грозные погонялки: углубить, усилить, обеспечить контроль на дорогах, активизировать агентуру, перетряхнуть всю республику. Все это уже было не раз. А воз и ныне там.

У меня внутри какой-то холодный комок. Бывают в судьбе каждого человека развилки, когда один шаг кардинально меняет судьбу, решает, кому жить, а кому умереть. Если бы врач не затянул тогда с оформлением документов, мы наверняка поехали бы на этой «таблетке», и было бы на несколько бездыханных тел больше. Понятно, что расстрел был хорошо спланирован, и ждали именно эту машину.

Чекисты потом говорили, что якобы был заказ на московских полковников. Террористами ведь платят за работу с учётом званий и рода деятельности жертв. Дороже всего идут собровцы. Ну и полковники из оперативного Главка центрального аппарата, думаю, тоже недёшевы. А информация утекала вокруг нас, как из сорванного крана. Бандиты были прекрасно осведомлены, что творится в расположении моботряда – имелись там их глаза и уши, и я даже примерно представляю, в какой казарме они обитали. Но об этом позже...

Выживший оперативник сидит за столом. Его окружают сочувствующие сослуживцы. Эдик держится молодцом. Вообще, проявил он себя хорошо – не потерял голову, пытался даже стрелять вслед террористам. И, хотя вся логика событий была против него, он выжил.

Парню наливают водку. Впервые вижу, как человек механически поднимает руку и опрокидывает в себя стакан за стаканом. Вот уже и бутылка опустела. А он не пьянеет вообще. Совершенно трезвым голосом говорит:

– Пусть прокляты будут те, кто это сделал. Серёгу-то за что? Он никому ничего плохого в жизни не сделал! Ничего, время придёт, эти суки сторицей за всё ответят.

Ответили. Позже. По полной...

А началась вся наша ингушская эпопея за месяц до того проклятого расстрела. Когда мы ждали во Внуково рейса на Ингушетию. И слушали по телевизору сенсационную новость, которая отныне касалась каждого из нас.

Но обо всём по порядку...

Глава 2

Конец Басаева

В специально отведённом помещении аэропорта Внуково, похожем на пункт продажи валюты, мы разрядили и сдали табельные пистолеты, которые получим от экипажа самолёта уже по прибытии к месту назначения. И тут по телевизору сообщают – под Назранью от взрыва погиб один из самых одиозных чеченских полевых командиров Шамиль Басаев.

У меня возникло смешанное чувство. С одной стороны – вполне законное ликование. Такая вражина рассталась с этой землёй и понеслась в свой мусульманский ад! Но вместе с тем очевидно – в Ингушетии будет взрыв террористической активности – как раз к нашему прилёту туда. За Шамиля будут мстить, и мстить жестоко. Ведь именно Ингушетия являлась его опорой. Именно там он чувствовал себя как дома. И именно там год назад он устроил органам охраны правопорядка кровавую резню.

Оправдались самые худшие наши ожидания. Всё наше пребывание в Ингушетии проходило как бы при незримом присутствии духа этого нелюдя. И под траурный аккомпанемент фугасов и автоматных очередей

Первое, куда нас отправил по приезду руководитель оперативной бригады – на место гибели Шамиля Басаева, проводить обход местности и искать свидетелей.

Суть дела была проста. Шамиль приехал в посёлок Экажево рядом с Назранью закупать оружие. Прикупил его аж целый КАМАЗ. А потом этот КАМАЗ взлетел на воздух. Вместе с полевым командиром и его ближайшими помощниками.

Приезжаем на место происшествия. Ох, блин, такого никогда не видел! Снесённый взрывом кирпичный забор, расколотые толстые доски, разрушенное жилое строение. На обломках забора – окровавленные куски мяса. Огромный коленвал КАМАЗа лежит метрах в тридцати от места взрыва, внешне вполне ещё ничего, хоть сейчас на запчасти – это какая силища должна была быть, чтобы его взрывной волной туда откинуло!

Место взрыва – рыхлая земля. Искорёженный металл. В перекрученных металлических кусках угадываются остатки НУРСов – неуправляемых ракетных снарядов, которые заправляют в барабаны вертолётов огневой поддержки. Сколько же их было? До фига! Зачем они нужны? Вертолётов, вроде бы, у Басаева не было. Скорее всего, использовали их для изготовления взрывных устройств и извлечения тротила.

Уж чего-чего, а невзорвавшегося тротила здесь на земле завалилось. Он высыпается кусками из искорёженных НУРСов, хрустит под подошвами ботинок. Прикидываю, что его тут можно подобрать достаточно, чтобы все дороги вокруг Назрани заминировать, да ещё и на здание МВД останется. Кстати, поговаривают, что Басаев с помощью этой покупки планировал именно взрыв Министерства внутренних дел Республики.

На этом поле убийственных чудес уже бродят три персонажа – корреспондентка центральной газеты из Москвы и два местных милиционера – её телохранители. Я их сначала принял за оцепление – типа, они здесь хозяева. Но вскоре выяснилось, что они такие же экскурсанты, как и мы.

Я подбираю с земли совершенно целую картонную коробочку с патронами от АК-74. Местные милиционеры тут же принимают боевую стойку:

- Э, это наше!
- С какого такого перепугу? – интересуюсь я.
- Так мы здесь воюем же!
- А мы что делаем?
- Нам нужнее!

Такая мольба в голосе милиционера – аж до смешного! В общем, делим патроны по-братски – напополам. Онигодились потом – отдал их операм из мобильного отряда. Те всё время палили из автоматов при проведении мероприятий, в основном, чтобы охолонить взбудораженную аульную толпу. А патроны командировочным давали под расчёт – мол, для вас война, а для тыловика главное учёт и контроль. За использованные патроны отписаться – это долгая и нудная история. Так что отдал я эти патроны для отчёта.

Как я понял, место происшествия толком не отработано. Только сфотографировали и увезли остатки взорванных машин. А здесь ведь осталось ещё много важных предметов.

Мы собираем уцелевшие сим-карты для мобил, которых оказывается неожиданно много – если они активированы, это бесценный источник оперативно-значимых сведений. Потом начинаем отработку жилсектора. Это значит, что заваливаемся в каждый дом и пытаемся развести хозяев на разговор – кто что видел. Понимаем, что с оперативниками из Москвы тут никто откровенничать не будет. Поэтому мне в голову приходит простая идея.

Стук-стук в дверь. Открывает недовольный хозяин – мужчина солидный, уже в возрасте.

– Здрассьте, мы из «Комсомольской правды». Пишем про происшествие. Не могли бы вы нам рассказать.

Хозяин угрюмо смотрит на двух «правдивых» – я в джинсах, футболке и рубашке. За мной наш опер в камуфляже. Ну, чистые корреспонденты. Но, как ни странно, срабатывает. И местный житель охотно начинает нам петь о том, какие машины видел, куда они ушли и

всё такое прочее. Нам становится понятно, что была «стрелка», и машина торговцев оружием ушла ещё до взрыва.

Картина происшествия, в целом, нарисовывается. Однако уже позже прояснились некоторые обстоятельства, свидетельствующие о том, что мы просто фигнёй маялись, и никому это не было нужно. Взорвалось то, что и должно было взорваться. Следствие закончено – забудьте. Но это уже совсем другая история.

В результате осмотра места взрыва я наступил на доску с гвоздём, пропорол насквозь подошву ботинка и повредил ногу – ну прям Басаев с того света дотянулся и впился в меня ржавым зубом.

– Не хватало ещё столбняк схватить! – воскликнул я.

– Поехали укол делать, – кивнул приставленный к нам оперативник местного МВД.

Приезжаем в Назрань в травмпункт.

– Снимай рубашку, укол будем делать! – говорит медсестра.

Я снимаю рубашку. Медсестра видит на поясе кобуру с пистолетом Макарова. Воспринимает это как должное и лениво осведомляется:

– Где ногу пропорол?

– На стройке.

– Строитель, что ли?

– Ну да. Шабашим понемногу.

– Понятно, – кивает она и вкалывает под лопатку укол от столбняка.

Видимо, строителям в Ингушетии положено ходить с ПМ на поясе. Национальная специфика.

Когда возвращаемся в здание МВД, я говорю заместителю начальника республиканского розыска:

– Слушайте, там тротила на месте происшествия столько, что пол Назрани взорвать можно. И ни оцепления, ничего. Людей там поставьте!

– Да? – удивлённо смотрит на меня полковник. Потом берёт трубку и раздражённо орёт на кого-то по-своему. В результате оцепление выставляется. Интересно, когда додумаются, наконец, собрать там тротил и патроны?

Кладу на стол симки и говорю:

– Там ещё есть. Надо каждый сантиметр осмотреть.

Полковник пододвигает к себе симки и с интересом кивает...

Глава 3

Царство террора

Мы демонстрируем обитателям дома свободные руки и карманы – мол, ничего при нас нет, подбросить при обыске при всём желании ничего не сможем. Следователь из специальной группы Генеральной прокуратуры зачитывает постановление о производстве обыска. Двадцатилетний пацан-студент числится в списке находящихся в розыске террористов – немало покуролесил он в горах. Наша задача – найти хоть какие-то вещдоки, а ещё лучше – оружие. Что за ингушская семья без пулемёта?

Глядя на объем работы, мы вздыхаем удручённо. Вы пробовали когда-нибудь обыскивать караван-сарай или несколько хуторов? Перед нами просторное домовладение с огородами, вполне себе качественными кирпичными строениями с медными крышами, сараями, автомашинами перед домом. За домом ржавеет остов "буханки" – фургона УАЗ-452. Снуют туда-сюда бесчисленные обитатели этого дома. Женская часть дома. Мужская. А подо всем этим потаённые забетонированные подвалы, пустоты. И задача найти что-то полезное для рассле-

дования видится какой-то нереальной. Даже если что-то тут и есть, можно год искать. Ладно, побродим с металлоискателем по огороду, может и запиликает...

Это типичное домовладение. Вообще, Ингушетия выглядит вполне зажиточно. Большинство аборигенов живут в таких вот усадьбах, огороженных глухими заборами, с металлическими воротами. Наглядно видно, что деньги у народа здесь водятся. Что и неудивительно. Ведь рядом Чечня. Ингуши неплохо разжились во время двух чеченских войн и краткосрочного правления в Ичкерии террористов – тогда РИ стала эдакой буферной зоной между враждующими сторонами. Именно здесь, при посредничестве ингушей, решались политические и коммерческие вопросы, заключались какие-то сделки, обменивались пленные и прочее, прочее. И за всё капала доля малая.

А ещё в России есть Чукотка, Магадан и другие дальние регионы с их золотыми приисками. И уже при царе батюшке ингушские скупщики золота пригреблись там, выменивая на спирт золотой песок. При советской власти золотой ингушский бизнес вовсе не рухнул, а только расцвёл.

Листаю давние сводки. В аэропорту Певек Чукотского автономного округа задержаны водитель и концентраторша Билибинского горнодобывающего комбината, в багаже у них три банки из-под сгущёнки, три из-под тушёнки и одна из-под чая – все наполнены приисковым золотом. Действовали вместе с ингушами, конечно... В Омске задержаны двое ингушей с тридцатью двумя килограммами золота...

Это золотишко развозится по ювелирным мастерским, переплавляется и однажды возникает в турецких, польских или египетских золотых лавчонках. Республику этот денежный поток поддерживает достаточно прилично.

А ещё льются денежные потоки из Центра. На территории Ингушетии достаточно долгое время был режим чрезвычайного положения. В связи с этим сотрудникам понабежали достаточно приличные выплаты. Правда, однажды у Москвы просто не хватило денег, чтобы расплатиться со всеми. И главная тема для сотрудников МВД тогда была – ну когда же заплатят боевые и кому первому.

Целый бизнес на этой теме возник – финансисты в погонах в лучших восточных традициях предлагали: «Мы тебе заплатим, но треть нам отдай». Или четверть – в зависимости от того, насколько ты уважаемый человек. И эта тягомотина с боевыми длилась уже долго, вызвала нездоровое оживление среди личного состава...

Ингушетия производит впечатление гораздо более фундаменталисткой и набожной территории, чем та же Чечня. Для чеченцев гораздо важнее Адат – такой традиционный, передающийся из века в век закон гор, где расписаны роли и поступки каждого горца. У ингушей же вечно то намаз, то молитва, то они Коран читают, не отрываясь. Притом достаточно искренни в этом. С минаретов несутся завывания муэдзинов, усиленные динамиками.

Местные с гордостью говорят:

– А мы ещё в девятнадцатом веке христианами были. Потом благодаря вашим царям ислам приняли.

Так или не так – копать в исторических реалиях не хочется. Но Ислам достаточно крепко сплачивает население.

Что ещё сильно объединяет ингушей – это их единодушная ненависть к соседям-осетинам.

В моботряде у нас был оперативник – краснобай, баламут и дичайший бабник. Нашёл себе местную вдовушку и долго ломал голову, стоит ли с ней связываться.

– Она ингушка, – говорил он. – С одной стороны, зачем мне лишние проблемы? А с другой – она же тоже не против загулять. Говорит, если станет известно, что мы с тобой закрутили – ничего, простят. Но если узнают, что с осетином каким-нибудь – казнят сразу, без каких-то надежд на помилование или смягчение приговора.

У нас в группе был сотрудник аналитического отдела ГУУР Василий С., такой толстый, флегматичный белорус, чертами лица – вылитый кавказец. Когда мы ходили на рынок в Карабулаке, местные с ним говорили только по-ингушски, и страшно удивлялись, когда слышали: «Моя твоя не понимай!»

– Ты же наш! – возмущённо голосили торговки. – Свой язык забыл, да?!

Поехали мы как-то во Владикавказ. На Черменском круге, разделяющем Ингушетию и Осетию, нас тормозит осетинский гаишник. Показываем ему удостоверения. Он козыряет и говорит:

– Проезжайте!.. А этого не пушу!

И презрительно тыкает пальцем в Васю.

– Это почему? – интересуемся мы.

– Он же ингуш!!! – с каким-то суеверным ужасом, перемешанным с дичайшей ненавистью, восклицает гаишник.

– Да ты чего? Я белорус! – негодует Вася, тряся удостоверением со своей исконно белорусской фамилией и русским именем-отчеством.

– Какой ты белорус?! Ты ингуш! – кричит гаишник с таким видом, что быть ингушом куда хуже, чем какой-нибудь инопланетной хищной сущностью из американского блокбастера. – Я чувствую!

Потом всё де пропустил. Согласился, что это белорус.

Вот так вот – по национальному признаку въезд гражданина России в субъект Российской Федерации запрещён. Оно и неудивительно. Результатом горбачёвского нового мышления на этих землях явился откат к мышлению старому – сведению исторических счётов и борьбе за территории. Схватки за Пригородный район между осетинами и ингушами явились лишь одним из очагов националистических пожаров, опаливших весь разваливающийся СССР. Но здесь сгорело немало жизней и надежд. И поселилась глухая вражда и взаимная ненависть.

Что сильнее врезалось в память от пребывания Ингушетии? Крики муэдзинов, дикая жара, пыль. И вечное ощущение присутствия рядом холодной неотвратимости и смерти. Да, тут была настоящая война. Наиподлейшая и самая мерзкая из всех – террористическая.

Ещё помню жуткое ощущение – будто кто-то свыше стирает на твоих глазах из этого плана бытия людей. Одного за другим. Смерть не устаёт работать своей косой.

– Слушай, ты мне обещал свою книгу, – в очередной раз обращается ко мне исполняющий обязанности начальника убойного отдела МВД Республики Ингушетия, прослышавший, что я писатель-детективщик.

Честно говоря, этими просьбами он меня утомил. Где я ему книгу возьму? Но ведь не отстанет.

И тут на книжном развале вижу своё произведение. Покупаю. На следующее утро едем в Министерство – и я с этой самой книгой под мышкой, как дурак. Думаю, вот сейчас подарю, и интересно даже, обрадуется ли начальник убойного отдела искренне или только из вежливости?

Но книгу дарить уже некому. Ночная дорога. Начальник убойного отдела, втапливающий газ, спеша домой. Белая «девятка», идущая на обгон. Автоматные очереди.

Рука войны смахнула ещё одну фигуру на своей доске. Нет человека. Стёрли. И у каждого из нас в глазах наболевший вопрос – а не станешь ли ты сам следующим, павшим на этой подлой войне?..

Водитель Паша Винтерголлер из Хабаровска везёт нас на «таблетке» из Карабулака во Владикавказ. На окраине столицы Осетии мы сидим в уличной кафешке и едим изумительно вкусные осетинские пироги. Обсуждаем, кто что будет делать по возвращении домой. Разглагольствуем, что Ингушетия эта надоела хуже горькой редьки, и порядок тут нужно наводить кардинальными методами. И какая-то благодность мирной жизни на нас опускается. Водитель

наш – парень весёлый, контактный, беззлобный. В нашу компанию он вписался как родной. А тут ещё подоспела водочка и ещё осетинские пироги...

Вечер. У меня скакануло давление, я пошёл к врачу отряда старшему лейтенанту Сергею Коногову. Тот мне дал какую-то таблетку. Поговорили немного за здоровье и за жизнь. Он рассказал, что до того, как устроиться хирургом в госпиталь Нижегородского ГУВД, служил в ФСБ. Хороший парнишка. Умный, тактичный, и специалист отличный. У него большое профессиональное будущее. Было бы... Если бы не война.

Война стёрла этих двоих в той самой расстрелянной «таблетке»...

Бандиты тогда решили отыграться за смерть своего лидера Басаева по полной. Чуть ли не каждый день я выезжал с опергруппой на места происшествий. Расстрелы, подрывы, опять расстрелы.

Убиты двое военных... Взорван оперативник ФСБ... Опять расстрел на обгоне – та же самая чёртова белая «девятка». Всю Республику перевернули, а никак не найдём её...

Мобильный отряд поднимают по тревоге. В Карабулаке, через две улицы от нас, к зданию Россельхозбанка подъезжают «Жигули», оттуда деловито выходят пять человек в камуфляже и с автоматами. Заходят в помещение банка. Ставят всех под стволы. Убеждать, что автоматы стреляют, в Ингушетии никого не надо – это вам не какой-нибудь Питер, тут все войной обожжённые. Налётчики забирают миллион рублей и шесть тысяч долларов. И спокойно скрываются. Пока суть да дело, они вне зоны доступа. Естественно, местное ГАИ никого по плану «Перехват» не прихватывает. Такой вот позорный висяк...

И опять на место происшествия. Подрыв с жертвами.

– Ну-ка, крутанись немножко. «Нива» за нами, по-моему, прилепилась, – говорит собровец.

Наш бронированный Уазик делает пару кругов, и «Нива» отстаёт. Почудилось. Но нервы на взводе у всех, и лучше лишний раз перестраховаться, чем напрягать сослуживцев сборами денег на твои похороны.

Добираемся до места взрыва. Воронка на обочине. В отдалении стоят машины МВД Ингушетии. Суетятся сапёры. Лезть к месту подрыва сразу нельзя. Бывали случаи, когда террористы замаскировывали закладывали рядом с одной закладкой другую, например, сооружённую с помощью пластикового бидона, селитры и подручных материалов или из артиллерийского снаряда. Это такой бонус – для уничтожения по радиосигналу прибывающих на место происшествия чинов из МВД и Прокуратуры. Поэтому сначала сапёры тщательно осматривают местность на наличие ещё одной закладки. Потом приходит время следователей...

И вот опять наш тяжёлый бронированный УАЗик ползёт, надрываясь, на новое место происшествия.

Новая кровь. Конца и края ей, кажется, не будет. Убивают милиционеров, военных, мирных жителей.

Руководство Республики предпринимало большие усилия для того, чтобы заманить обратно сбежавших из Ингушетии русских специалистов, а также представителей иных национальностей. И люди купились на посулы. Вернулись и вроде зажили, как раньше – вполне благополучно, спокойно, в дружбе с соседями. Но бандитское подполье не дремлет. И стали прилетать в окна домов таких вот возвращенцев подарки – гранаты, самодельные взрывные устройства. Счёт уже шёл на десятки убитых. В основном это были учителя, технические специалисты, те, кто должен сделать жизнь в Республике лучше и цивилизованней. Бандиты везде одинаковы. Бандеровцы после войны тоже активно охотились именно за специалистами из России и безжалостно уничтожали их. Бандиту не нужна цивилизация, достаток и стабильность народа, за который он якобы воюет. Бандиту нужен хаос. Ибо сами они и есть демоны этого хаоса...

А ещё в Ингушетии тогда не зажила рана после налёта Басаева на Назрань в 2004 году. Тогда погибло много сотрудников. Очень много...

Глава 4

Живых не брать

Оперативник УБОПа поглаживает лежащий между сиденьями его машины автомат Калашникова с укороченным стволом и складным прикладом.

– Всё, без него больше в машину не сажусь! Эх, если бы тогда он со мной был, может, и по-другому с этими уродами поговорили бы! Но не было.

Он надаёт газу и на ходу показывает рукой направо:

– Вон, тот самый перекрёсток. Когда ночью по тревоге подняли, я быстренько руки в ноги и в Министерство – как положено, на пункт сбора. А тут на дороге заслон. Стоят люди в камуфляже, все такие важные. Ну, думаю, сейчас удостоверение покажу – и дальше поеду. Передо мной, судя по всему, тоже кто-то из нашего министерства ехал. Махнул ксивой. И тут вижу, что эти самые морды в камуфляже, посмотрев на документы, бьют по его машине с двух стволов. И ко мне направляются. Я из салона выскакиваю – и вон через тот кустарник в лес... В сантиметре со смертью разминулся. Считай, второй день рождения. Если бы не тот парень, которого передо мной грохнули, то я на его месте был бы...

Да, случайность – кому жить и кому умереть. Но, думаю, случайностей на войне нет. И кому выжить решает кто-то наверху...

Басаев тогда собрал самый разношёрстный сброд со всего Северного Кавказа. При этом основная часть боевиков была из Ингушетии. И устроил рейд на Назрань. Чтобы его, гада такого, не забывали, решил напомнить о себе громкой террористической атакой. И, надо сказать, напомнил от всей своей чёрной души.

Боевики напали на МВД, райотделы, погранотряд и прочие объекты. Плотно обстреляли мобильный отряд и Ингушский ОМОН, зажав их на своей территории.

Говорят, у террористов был агент – оперативник УСБ, который обзванивал всех сотрудников и объявил сбор в Министерстве. А на всех трассах, ведущих в Назрань, выставились боевики в камуфляже – они косили под федеральный заслон. В Ингушетии к этому привыкли – там вечно то СОБР выставлялся на дороге, то ФСБ – те вообще без эмблем и знаков различия. В общем, тормозили в ту ночь длинных ножей переодетые боевики все машины. Естественная реакция мента, когда тебя свои же остановили, отмахнуться удостоверением. Но только волшебная милицейская ксива в ту ночь стала пропуском на тот свет. Завидев её, сотрудника или выводили аккуратно из машины и расстреливали на обочине, или сразу долбили со всех стволов.

Получив отпор, здание МВД бандиты так и не захватили. Потом ринулись в райотдел, который оборонял героический старшина. Он выкатил из оружейки ручной пулемёт Калашникова и долбил отчаянно до тех пор, пока бандиты не отпрянули и не скрылись.

Ни одного здания, где располагались подразделения МВД и ФСБ, бандитам захватить не удалось. А вот оружейные склады МВД они взяли.

Интернет облетела видеозапись, как довольный Басаев красуется в этом оружейном складе. Боевики растащили оттуда более тысячи стволов, горы боеприпасов, много всякого добра. До сих пор по всей России находят автоматы с тех самых складов. В том числе засветились они и при нападении на школу в Беслане.

Всего было расстреляно около сотни сотрудников МВД, ФСБ, военных. Погибли исполняющий обязанности министра внутренних дел Ингушетии, его заместитель, прокурор Назрани и многие другие. Удар был нанесён по силовым структурам страшный.

Тогда бандформирования ещё ощущали свою силу и имели большой мобилизационный потенциал. Потом эту же тактику они пытались использовать через год во время рейда на Нальчик – правда, там их будет ждать большой облом. Хотя жертвы среди силовиков тоже были немаленькими – около тридцати человек убитыми, но при этом в ответ было уничтожено около сотни боевиков, и ещё больше задержано. Кстати, по этим «невинным мальчишкам» из Нальчика до сих пор льют слезы и правозащитники, и даже некоторые патриоты, не буду тыкать пальцем. То и дело слышны стоны: «Ваххабиты, всего-то делов, город захватить хотели. И им теперь так тяжело сидится. И охранники их в тюрьме совсем не уважают».

После налёта на Назрань у сотрудников местных правоохранительных органов осталось какое-то ощущение уязвимости государственной системы. И ещё несправедливости в мире. Да, со многими бандитами позже рассчитались. Но многие из них не только остались на свободе, но и заняли вполне себе приличные ниши в тех же госструктурах, против которых воевали.

А сам Басаев под той же Назранью ответил за все – был разнесён на клочки мощным взрывом...

Глава 5

Мобильный отряд

– Нам уже намекали: мол, если будем и дальше на своём рыдване везде мотаться, то нам как-то, – усмехнулся оперативник.

Ребята подобрались в угрозыске мототряда активные, весёлые и достаточно безбашенные. Их ВАЗ 2105 мелькал и в городах, и в отдалённых посёлках, и на узких горных дорогах. Наскакивали лихо на лежбище, захватывали разбойников, угонщиков, пособников террористов. В камуфляже, с автоматами – куда без автомата в горах? И сваливали в темпе вальса.

По большому счёту, именно мобильный отряд вдруг стал единственной реальной силой и нормальной правоохранительной структурой в Республике. Для местного населения и властей он был и костью в горле, и последней надеждой. В нём работали оперативники уголовного розыска, службы по экономическим преступлениям и по борьбе с организованной преступностью. Имелся и ОМОН. Был свой автопарк – бронированные УРАЛы и уазики, бронетранспортёры, легковые машины. Личный состав собирали по всем регионам России, направляли в командировку на полгода, которые казались вечностью. Почему люди обрекали себя на жизнь в вагончиках и палатках, на вечный риск и дикое нервное напряжение? Кого-то гнал дух авантюризма, кто-то ехал за боевыми доплатами, званиями и должностями. Были и залётчики, которых начальники отсылали на исправление и с подспудной мыслью – а если и прибудут, то не жалко. Кого-то просто запихивали насильно. Но практически все командированные очень скоро понимали – есть мы, сплочённая федеральная сила, и есть они, царство террора и феодальных разборок.

Главная силища – это был СОБР. Спецназовцы годами не вылезали из Ингушетии, освоились – у них там появилось хозяйство, обустроенные жилые вагончики. Можно сказать, мототряд стал их малой Родиной. А война – мать родная.

У ФСБ в то время полноценных силовых подразделений в Ингушетии не было. Поэтому все мероприятия – что чекистские, что милицейские, не проходили без участия «тяжёлых» – собровцев.

– Так, – инструктирует оперативник ФСБ приданных ему бойцов милицейского спецназа. – Входим в посёлок после нашей разведки, которая подтвердит, что фигурант на месте. Заскакиваем на территорию домовладения. Упаковываем клиента. И тут же на базу. На все про все у нас четыре минуты. Дальше возможно вооружённое противодействие или массовые беспорядки. Местные быстро сорганизуются.

И вот колонна машин устремляется в горы. Захват проходит без сучка и задоринки. С «грузом» ребята возвращаются из вылазки. «Клиента» – активного участника всех чеченских войн – тут же отправляют за пределы Ингушетии. А к Прокурору Республики заявляется посольство от «обиженного» села.

– Как так? Нашего земляка военные как воры украли. И отдавать не хотят!

Ну и что, что земляк террорист. Он же земляк. Возверните, и всё!

Только прокурор, русский, назначенный Москвой, помочь никак не хочет. Если бы и хотел, что сомнительно, то не мог бы. Клиент давно в лапах специальной бригады Генеральной прокуратуры и меряет шагами камеру в Ставрополе. И раньше чем через полтора десятка лет в родном селе не появится...

Выезды. Перекрытия дорог. Задержания, задержания, задержания. Поскольку у нашей группы ДепУР своих силовых и оперативных возможностей практически нет, то мы фактически работаем вместе с мобильным отрядом – и по мелочёвке, и по крупным делам.

Поднимаю старые отчёты. Хрупкая бумага, пожелтевшая от времени.

«Раскрыто убийство в ст. Плиево Назрановского района, где с тремя огнестрельными ранениями около автомашины УАЗ 969 обнаружен труп гражданина Е., 1959 г.р.

В ходе работы по раскрытию преступления сотрудниками ДепУР осуществлён выезд на место происшествия, опрошены очевидцы, с их слов стреляли из бесшумного оружия из автомашины ВАЗ 2107 белого цвета.

«Получена информация, что убийство совершено на почве кровной мести гражданами У. 1974 г.р., Я. 1977 г.р. и Ю., 1979 г.р. Подозреваемые задержаны...

12.07.2006г. мобильным отрядом МВД РФ в РИ, ДепУР МВД России во взаимодействии с УФСКН России по РИ осуществлено оперативное внедрение, а затем проведена проверочная закупка наркотических веществ в с. Яндаре. В результате задержана организованная преступная группа в составе четырёх человек. Изъято более 300 грамм героина...

Организована отработка двух лиц, совершивших убийство водителя такси...

В городе Назрань задержан разыскиваемый Назрановским ГОВД по ст. 105 УК РФ (убийство) Б., 1969 г.р.»

И так далее, в том же духе...

Краденые автомобили. Ингушетия – это такая чёрная дыра для автотранспорта. Сюда проваливается львиная доля угнанных в России машин. Вся площадка на территории отряда заставлена этими найденными тачками, которые поизымали сотрудники розыска или гаишники.

К нам постоянно со всей России приезжают командированные сотрудники розысков зачисляющиеся в угоне транспортом. Вот, парочка ребят из Красносельского ОВД Москвы – такие хваткие, весёлые, энергичные и воодушевлённые. Селим их в нашей палатке. Они проникаются жизнью моботряда:

– А чего, можно попроситься сюда на полгода. Интересная у вас тут жизнь, оказывается.

– Ещё какая!

Чуть-чуть выпили за встречу. Передали им машину. Довезли до границы с мирными регионами. Распрощались. Обнялись на прощанье, довольные друг другом.

Следующий такой заезд. За недавно изъятой «Шкодой» прибыли двое дегенератов из УВД Центрального округа Москвы. Вид у них испуганный и вместе с тем снисходительно-презрительный. С иголки одетые, лощённые, они на бойцов моботряда, облачённых в камуфляж, пропылённых и прокопчённых Ингушетией, похожих на горных бандитов, смотрят, как на какое-то опасное быдло. Ну, прям встретились наследные лорды с шахтёрами. Оба этих опера больше похожи на вульгарных московских мажоров. Оно и неудивительно – на работе в ЦАО Москвы обычно окапывались всякие блатные детишки и продувные бестии, знающие, что такое радости жизни.

– Чего мы приехали? – страдает оперативник ЦАО. – Хозяин нам даже денег не дал, чтобы мы его машину вернули!

Начинают ныть, что на «Шкоде» им ехать страшно и опасно, и нельзя ли её вообще не забирать. Когда узнают, что нельзя – впадают в уныние. Но ненадолго. Один из дегенератов, осматривая машину, так незаметненько раскурочивает двигатель и радостно сообщает, что тачка не ездит – сломата! Но ребята из отряда прекрасно знают, что ездила она только что просто отлично. В общем, всё это безобразие всплывает. В итоге наш угрозыск оттаскивает «Шкоду» в автосервис и ремонтирует за свой счёт.

На границе, перед тем как распрощаться, оперативник из моботряда от души засвечивает в рыло главному паскудинику и спрашивает:

– Вопросы есть – за что, почему?

Вопросов нет. Два балбеса садятся и уезжают. А мы идём готовить «благодарственное письмо» на начальника округа об их фокусах. Выкидывать их из конторы надо на улицу, и побыстрее – с такими нам не по пути.

В очередной раз убедился, насколько же разные люди у нас работают. Фанатики своего дела, готовые рисковать, смелые, преданные работе. И такие вот мажоры, думающие только о деньгах и считающие, что их начальство жутко угнетает, заставляя выполнять служебные обязанности...

Утро начинается. Группа уголовного розыска моботряда готовится на выезд. Каждая такая поездка по достопримечательным местам Ингушетии – это шаг в неизвестность с вечным вопросом: а удастся ли вернуться живыми?

К вечеру ребята отработали объект. Неудачно. Опер из Иваново сидит весь какой-то обалдевший и излагает нам сегодняшнюю эпопею:

– Прикинь. Приезжаем за разбойником. А он как горный козёл по склонам ускакал. Мы его преследовать собрались. Тут весь аул вываливает на улицу и на нас буром прёт. Я затвор передёргиваю и ору: «Назад!» А они грабли к автомату моему тянут. Я предупредительные выстрелы даю, а им по хрену. Ручонки свои загребушие ещё ближе протягивают. И я не знаю, что делать. В толпу стрелять? Так вообще врагом народа признают – знаешь же, что у нас все законы под то заточены, чтобы в таких ситуациях ты в любом случае дураком был. В общем, попрыгали мы в машину и дёру. И как теперь эту тварь арестовывать?

Информации для отработки хватает. Розыск получает её и когда работает по конкретным делам, и от доброжелателей. Свою разветвлённую агентурную сеть, создать, конечно, не получается – для этого как чекисты нужно на пару лет сотрудников командировать в эти места. Но на Кавказе агентурная сеть и не всегда нужна. Информация просто разлита в воздухе. В принципе, тут все всё знают. Нужно только найти местного жителя, которому в радость будет утопить своего врага. Много наводок дают местные сотрудники МВД, притом шёпотом – не дай Бог кто узнает, что они информацию слили. Сами они её реализовать не могут – их или убьют, или они для своих же родичей чужими станут, что ещё хуже погибели.

А ещё информацию поставляло специальное ОРБ по Северному Кавказу. Ребята там работали суровые, заточены чисто на борьбу с террором и ваххабитами. Притом так справно работали, что у них кололись все, даже самые стойкие религиозные фанатики. Не буду открывать секреты мастерства, но уверяю – Гестапо просто плачет от зависти в сторонке. И пели им террористы во весь голос. Читал я эти показания – загляденье, все по полочкам разложено, явки, имена, адреса, ностальгические воспоминания о былых подвигах и знакомых полевых командирах. Это очень убедительные доводы нужно приводить, чтобы память так активизировать.

И как-то грешно оперов ОРБ упрекать в излишней жёсткости. Вовремя уничтоженный или посаженный террорист – это спасённые жизни мирных людей. И никак иначе. Поэтому

пусть гадов хоть на дыбу подвешивают – плевать. Наша задача, чтобы этих человеконенавистников из бандподполья вообще на этой Земле не было...

– Поехали, – говорит мне начальник розыска отряда. – В адресе террорист прячется.

Приезжаем в пустынный посёлок. Перед нами стандартное просторное ингушское домовладение с высоким забором. Прислушиваемся – то ли есть там кто-то, то ли нет.

СОБР вовсе не спешит с молодецкими криками штурмовать забор и ворота. Спецназовцы решили слегонца отдохнуть. Расселись по краям забора, на колени припали и целятся из автоматов и пулемёта в разные стороны – типа периметр контролируют, чтобы враг с тыла не ударил и не застал врасплох.

Ну, мы с начальником угрозыска со вздохом сигаем через забор, предварительно передёрнув затворы.

Ощущения неповторимые. Сколько участвовал в таких мероприятиях, а все равно холодок по спине ползёт – кажется, что сейчас в твоё совершенно незащищенное для пуль тело шамальнут со всей дури.

На территории раскинулось несколько домиков. Подходим к каждому – ногой вышибаем двери. Главное перед самой дверью не стоять – через деревяшку тебя могут прошить очередь, а кирпич автоматную пулю выдержит.

Провырнулись мы по всей усадьбе. Блин, нет никого!

– Предупредили их, что ли! – восклицает с искренней обидой на бандитов и их пособников начальник розыска.

Очень может быть. Информация в Ингушетии утекает стремительно. Потому молчание здесь золото.

Но во всём есть плюсы. Пусть и проехали без результата, зато живы. А удаётся это далеко не всем.

Война – это опасная мужская работа. И без потерь она не бывает. А у этого состава мотобригады боевых потерь, к сожалению, немало.

В самом начале смены собровцы поехали брать засевавших в частном доме бандитов. А те врезали по незванным гостям из крупнокалиберного пулемёта. Пули прошли забор, за которым стояли собровцы. Трёх убитых.

После этого тот злосчастный дом БТРом раскатали в блин. И бандосов тоже вместе с ними – притом так, что потом с трудом опознали. На совести той группы было несколько десятков терактов, так что сдаваться живыми они не хотели.

А на территории мобильного отряда стоит возведённый за счёт бойцов скромный памятник боевым друзьям, сложившим голову в войне с террором на этой выжженной солнцем, негостеприимной земле...

Мы приехали в мотобригаду уже ближе к замене личного состава. И видно было, что рискованная жизнь ребят прилично измотала. Последний месяц – он трудный самый. Если сначала ты втягиваешься в войну, то ближе к концу больше всего хочется вернуться.

Мы первым делом тогда наметили планы оперативно-розыскных мероприятий по конкретным делам, выезды и прочее, прочее, прочее. И, помню, один из оперов в голос застонал:

– Слушайте, вы приехали сюда, звезды там, продвижение по службе зарабатывать! А мы тут за полгода такого насмотрелись. Ну, просим вас, не тяните нас в пекло. Мы хотим выжить. Нас дома ждут.

Ну что же, и не упрекнёшь их. И так сделали немало эти ребята, кому в мирное время выписали командировку на непризнанную войну. Последний бой, он трудный самый...

Мобильный отряд располагается на территории, принадлежащей ОМОН МВД Ингушетии. По идее, такая территориальная общность должна служить укреплению боевого братства между местными и федеральными силовиками. Только вот получилось все с точностью до наоборот.

– Они предатели. Если ещё не предали, то предадут непременно, – говорил один из наших собровцев.

И, в принципе, его можно понять. Хотя я его точку зрения полностью не разделяю – разные они там.

– С ними мероприятия проводить бесполезно, – продолжил собровец. – Под пули сами не полезут, если сзади заградотряд не поставит. Их даже в оцепление бесполезно назначать. Однажды проводили штурм бандитской усадьбы. Народу у нас хронически не хватало. Внешнее оцепление поставили из местного ОМОНа. Задача им простая и прямолинейная, как шпала – тормозить людей и транспорт, пытающихся прорваться из зоны оцепления. В результате во время штурма из ворот вылетает белая «Волга». Мы её пропускаем без стрельбы, чтобы не задеть друг друга. Знаем, что её дальше тормознут. Время проходит – ни выстрелов, ни шума, тишина. Оказывается, ингушские омовцы её просто пропустили. Спрашиваем: «Чего не стреляли?» А у них ответ на все такие случаи один: «Вы приехали и уехали. А нам здесь жить». В общем, те ещё помощники...

В принципе, местных можно понять. У них здесь семьи, их род. Нюансы феодальные и первобытнообщинные. В общем, куча моментов, не способствующих служебному рвению.

Интересно другое. Осведомлённые люди утверждали, что до четверти рядового и младшего начальствующего состава Ингушского ОМОНа участвовали в том злосчастном нападении Басаева на Назрань.

Тогда эмиссары Басаева обещали золотые горы и подтягивали под это дело всех, до кого дотянутся. В основном, доверчивую молодёжь, мечтавшую повоевать. Более матерые туземцы, знающие, что вся эта борьба с неверными есть сплошное кидалово и развод, и верить никому нельзя, в стройные ряды террористов не спешили. А малолетним дурачкам в кайф – автомат дадут, да ещё долларами заплатят. Лепота!

Правда, с долларами случился облом. Большая часть боевиков вообще ничего не получила. С другими расплатились фальшивыми долларами – чеченцы тут большие доки, у них на территории ещё при Дудаеве типографии работали, рубли и баксы производили в промышленных масштабах.

После этого подлого обмана разборки шли по всему Северному Кавказу, но так никуда и не пришли. Молодёжь осталась без денег и без работы. А куда устроиться, чтобы гарантированная зарплата была, да ещё и пострелять бы дали? В ОМОН, благо, есть, кому словечко замолвить, рекомендации дать. Хотя, конечно, служит там немало честных и отважных людей, настоящих бойцов, которых можно уважать. И им в республике на самом деле живётся и воюется очень непросто, и, главное, конца и края этому не видать.

Понятное дело, часть бывших бандитов общаться со своими единомышленниками не прекращали, даже надев милицейскую форму. Поэтому информация текла к бандформированиям только так. И то, что в палатке мобильного отряда толпа полковников центрального аппарата, которые на УАЗ-969 ездят, тоже, похоже, от них не укрылось.

Однажды захожу в нашу палатку. У нас там постоянно газовая горелка работала – что-то на ней подогревали. Да и ночи иногда холодные были. Смотрю, аккуратненько так газовая трубка вырвана, и газ уже помещение заполняет. Малейшая искра – и взрыв. Чьи очумелые ручки потрудились? Ну, не наших же оперов. В общем, были у нас подозрения. И, думаю, не беспочвенные.

Вместе с тем шёл и обратный процесс. Некоторые бойцы втихаря сбрасывали информацию на боевиков, в результате проводились операции, и некоторых супостатов удалось прихлопнуть в ходе спецопераций. Вообще, всеобщий бандитизм утомляет даже самих бандитов.

Ингушские омовцы считали себя крутыми спецназовцами. Куда там супротив них русскому СОБРу! Однажды предложили устроить соревнование по рукопашке – мол, мы круче вас. И всех собров положим. Эх, если бы к амбициям в комплекте прилагались физические возможности.

Выставили ингуши самого здоровенного своего бугая. А командир СОБРа ткнул в первого попавшегося своего подчинённого. Тот вышел на площадку. Размялся лениво. Звучит сигнал к началу боя. Ингуш стал прыгать, изображать боевые стойки. Собровец кивнул и расслабленно снёс противника с одного удара – потом долго откачивали. После этого о рукопашке ингуши больше не заикались. Конфликты с собровцами у них постоянно возникали, однако теперь ингуши делали пальцы веером немножко по-другому:

– Да, знаю, ты спортсмен и меня одной рукой уложишь! Но у нас автоматы есть. А знаешь, как мы стреляем!..

Кто лучше стреляет – в этом чуть-чуть не пришлось убедиться на практике через год. Когда вспыхнул бунт ингушского ОМОНа.

Тогда начальником криминалки в Моботряде стал Юрка – хороший мой товарищ, старший важняк одного из наших отделов, старый матёрый опер. Командир отряда был тоже из нашего Главка. И наворотили они дел немало – вся республика на ушах стояла, так они всю бандагву прессовали.

Слово самому герою этих событий Юрке:

«Утром выхожу из штаба проветриться. У омовского здания шум, переполох. Подхожу, вижу, что эти добры молодцы метелят ногами какого-то парня – притом так, что бедолаге недолго осталось на этом свете.

Наши собровцы подбежали. Один мне шепчет:

– Я этого парня знаю. Это опер из ФСБ.

Даю команду – фас!

Собровцы беднягу отбивают, утаскивают к нам. На нём места живого нет. А ингуши за стволы хватаются и требуют им их законную добычу вернуть – мол, чтобы как диким волкам дали её доглотать. Чуть ли не пена изо рта идёт – и уже готовы стрелять.

И ни фига атмосфера не разряжается, а только накаляется. Весь ингушский ОМОН уже в ружье поднят. И свои БТРы эти придурки заводят, чтобы показать, значит, русским, кто тут банкует.

Собровцы в долгу не остаются. У них оружия никак не меньше. И они тоже за стволы схватились. Рассредоточиваются. Позиции занимают. Они, кстати, давно проработали тактику действий на такой случай – были уверены, что рано или поздно противостояние случится. Уже появляются в их руках ручные противотанковые гранатомёты и автоматический гранатомёт АГС-17, ингушские БТРы берутся на прицел. В общем, впереди хорошая войнушка.

Между тем выясняется, из-за чего весь кипиш. Оперативники ФСБ проводили спецоперацию на рынке в Карабулаке – он на одной улице с нами. Задерживали террориста. Тот был слишком шустрым, оказал вооружённое сопротивление. В перестрелке его уложили.

И тут налетели ингушские омовцы – мол, наших убивают. Потом оправдывались, что посчитали чекистов за боевиков. Взяли на мушку оперативников. Оттащили в местный райотдел. А основного решили сами на части порвать и притащили в расположение.

Между тем стороны на позициях. И я понимаю, что один шальной выстрел – и тут будет кровавое месиво. Думаю, наши собровцы их в итоге всех положили бы – выучка и боевая злость своё дело сделали бы. Но чего это будет стоить!

Надо что-то предпринимать. У меня прямая связь с Ханкалой – с командующим группировкой войск на Северном Кавказе. Я до него сразу дозваниваюсь и сообщаю:

– Ингушский ОМОН взбунтовался.

А его это не удивило вообще. Видимо, в душе ждал именно такого развития событий.

Он меня спрашивает:

– Полчаса продержитесь?

– Продержимся.

– Ждите подкрепления.

Через полчаса гул моторов. И на территорию входит бронетехника армейского разведывательного батальона. Машины выстраиваются в ряд, башни с пулемётами на ингушей смотрят. На асфальт спрыгивает здоровенный такой легендарный комбат–осетин, что для ингуша уже оскорбление. И кричит:

– А ну ка быстро в расположение, макаки! У меня приказ командующего при неповиновении подавить вас огнём. И я это сделаю!

Тут уж противопоставить бунтовщикам и нечего. Разделает их разведбат в труху и даже не вспотеет. Да ещё и собровцы подсобят. В общем, поорали «революционеры» что-то гордое и независимое и двинули по своим казармам.

А я беру пару бронетранспортёров и еду в местный райотдел – оперативников ФСБ вызывать.

Захожу к начальнику райотдела. Отношения у нас с ним нормальные сложились, до этого дня я считал его человеком разумным. Но сейчас он взведённый, агрессивный.

– Чекисты у тебя? – спрашиваю.

– У меня.

– Отпускай!

– Не отпущу! – срывается он на крик. – Они на рынке при скоплении народа стрельбу устроили! Человека убили! Я их арестовал!

– А ты знаешь, кто в отношении них мероприятия проводит и следствие ведёт? Не тебе их арестовывать!

– Не отпущу!

– А, ну тогда в окошечко посмотри, – указываю я на стоящие около райотдела бронетранспортёры. – Стволы в твою сторону смотрят. Не гарантирую, что через пару минут, если будешь упрямиться, они не разнесут твою халабуду на запчасти.

Ярость и реальная оценка ситуации ещё поборолась в его голове. Потом он махнул рукой:

– Забирай.

А их действительно надо было забирать. Ребята страшно избиты и изувечены – потом двоих комиссовали. Эти тварюги – местные менты – им пальцы на косяк клали и дверь прихлопывали, дробили кости.

В общем, утихомирили ингушский ОМОН. Потом они ко мне посольство присылали – мол, все это была фатальная ошибка. Мы хорошие. Да, где-то виноваты. Давайте жить дружно, по-братски.

Уголовное дело по их подвигам возбуждать не стали. Чекисты сказали:

– Не станем эту тягомотину уголовно-процессуальную устраивать. Мы с ними своими методами посчитаемся.

Посчитались или нет – уже не знаю. У нас как раз срок командировки заканчивался».

По совокупности подвигов Юрке тогда написали представление на госнаграду. Командующий, отлично знавший, как качественно отработал эти шесть месяцев мотобат, говорил:

– Просите, что хотите.

Только награда так и не нашла героя – затерялась в заколдованных лабиринтах кадрового управления МВД. А потом её таким же колдовским финтом получил совсем другой человек –

на Северном Кавказе он, правда, не бывал, да и раскрытием преступлений себя как-то не отягощал. Но парень то свой, надёжный, кого ещё наградить, как не его... Но это всё так, внешние атрибуты. А есть ещё внутренний стержень и смелость, которые толкнули Юрку навстречу взбунтовавшейся толпе и благодаря которым он задавил грозящий большой бедой бессмысленный и беспощадный ингушский бунт...

Глава 7

Шарагина контора

МВД Ингушетии работает по особому графику, предельно приближённого к национальной специфике региона. То есть, почти не работает, или работает, по большому счёту, на себя.

Сотрудники появляются на службе утром – с озабоченными лицами и решимостью свернуть горы, обеспечить на вверенной территории законность и порядок. Хватает их на оперативное совещание и ещё час блуждания по коридорам и кабинетам. Потом они отбывают. У них намаз, сиеста, встречи и прочее, прочее, прочее. На службе они появляются вечером – поклоняться по кабинетам и взглянуть – а чего, правда, дела накопились? И сделать попытку сбавить их кому-нибудь, правда, тщетную – ведь остальные такие же.

Мы к такому режиму были несколько непривычны. И бесило то, что никогда не найдёшь нужного человека. А если и найдёшь, он тебе ни шиша не сделает. Весь месяц пытались получить детализацию входящих и исходящих телефонных соединений по делу о каком-то расстреле. Так и не получили. Не то, чтобы им жалко было распечаток. Ну просто не получалось как-то. Ну, сложно всё это.

Нет, конечно, работа в республике идёт. Что-то делается. Дела расследуются. Патрули ходят. Но жарко ведь, лениво, мутно... И страшно...

Разговорился с оперативником в райотделе. Он мне сказал:

– Понимаешь, в Ингушетии жизнь сотрудника не стоит ничего. Тебя в любой момент могут убить. И, скорее всего, преступление не раскроют. Поэтому большинство наших обычно сидит тихо. Так, решаем какие-то вопросы...

И все же работа в МВД считается делом уважаемым. Власть всё же, и поближе к деньгам. К деньгам немаленьким.

Когда были там, нам местные сотрудники нашёптывали клеветнические слухи – мол, министр заплатил за свою должность полтора миллиона долларов. Бардак в конторе он развёл невиданный, и все показатели были на нуле, поэтому его постоянно хотели с должности снять, на что он отвечал:

– Пока полтора миллиона не верну – не уйду!

И не уходил. Правда, через некоторое время всё же его подвинули. В Кресло министра оккупировал бывший начальник МРЭО – это такая контора в ГАИ, которая ставит на учёт автотранспорт. Наши главковские опера из автомобильного отдела утверждали, что основная часть краденых тачек легализуется в Ингушетии. Прибыльное это дело – ставить тачки на учёт. Первое, что сделал новый министр-гаишник – грохнул автомобильное подразделение в уголовном розыске с пафосным обоснованием:

– Нет у нас такой проблемы! Пускай оперативники более важными делами занимаются! Ну, лично у него может проблемы и не было...

Попасть на работу в милицию – это уже само по себе означает стать важным человеком.

Помню, едем на мероприятие. Какой-то баран на «жигулях» подрезает нашу машину, начинает орать нецензурно. Естественно, на светофоре вытаскиваем его из салона и защёлкиваем наручники. Мы ещё тогда нервные были – расстрелы на дорогах, взрывы. И тут подваливает к нам такой важный гаишник и возмущённо восклицает:

– Э-э, отпусти его!

– Мы его задерживаем!

– Какой задерживаешь! Это мой родственник. Отпусти! Вообще, ты кто такой? – смотрит он на начальника розыска моботряда.

– Подполковник милиции, МВД России.

Тут лейтенант гордо расправляет плечи, надувается весь важно, как выхухоль болотный, и роняет презрительно:

– А я лейтенант милиции!

В его сознании лейтенант в Ингушетии куда круче, чем какой-то там подполковник из Москвы.

Правда, сознание его прояснилось, когда ему понятными словами объяснили, кто он есть по жизни и как его сейчас будут бить. По-моему, пара затрещин ему даже перепало. Надулся он ещё сильнее, но уже настороженно, и отвалил в сторону.

Ингушская ГАИ тогда была, наверное, самым слабым звеном. Это те самые, которые пропускали беспрепятственно машины с боевиками. Это на них при общем терроре в отношении представителей власти на трассах практически не было нападений. Говорили, что у них имела договорённость с боевиками – никто никому не мешает. И я считаю, из-за них мы так долго не могли найти ту проклятую «белую «девятку» с бандитами.

Кстати, патрульно-постовая служба тоже порой вовсе не спешила проявлять чудеса героизма.

Помню, был в Сунженском районе один совершенно отмороженный молоденький террорист. Начал он свою боевую карьеру с того, что вместе с подельником заложил бомбу в машину замглавы Сунженского района Галины Губиной – единственной русской на такой должности. Та выжила. Душегубов повязали и отправили на суд присяжных.

Суд присяжных на Кавказе – это вообще анекдот. Там вопросы решаются по понятиям и законам гор, а не по какому-то уголовному кодексу. Тот, кто придумал там суды присяжных, был, по-моему, слабоумным или знакомым с Кавказом только по политической карте мира. Но было время, когда такие суды там функционировали, слава те Господи, теперь дела по терроризму они не рассматривают.

Ну и по понятиям присяжные объявили:

– Мальчонка молоденький. Ещё поумнеет. Невиновен.

У нас была кое-какая информация – намекнули нам, что бандподполье собрало двадцать пять тысяч долларов на подкуп присяжных. Потому мальчик и вышел невинным.

А сам «невиновный» на судебном заседании открыто орал в лицо потерпевшей:

– Я тебя всё равно убью!

Ну и слова его с делом не разошлись. Оказавшись на свободе, отдохнул немного. Потом взял автомат. И на улице расстрелял несчастную женщину.

Самое интересное, расстрел произошёл метрах в ста от расположения ингушского полка патрульно-постовой службы. Оперативники потом рассказывали:

– Эти бездельники как зайцы через забор прыгали, прятались. Перепугались. Хоть бы один попытался задержать убийцу, открыть огонь. Трусы настоящие!

Ну да, можно и так сказать. Только опять вспоминаются слова: «жизнь мента не стоит ничего». Застрелишь при задержании такого мальчонку с автоматом, а за него весь ваххабитский джаамат и родственники предьяву кинут – и завтра хлопнут уже тебя. Выросшие в своём узком мирке, местные просто не понимают, что можно жить по другим законам.

Кстати, у их соседей и братьев по крови чеченцев картина противоположная. Там наблюдается гиперактивность силовых ведомств.

Этот малолетний террорист, разделавшись с Губиной, двинул хорониться у своих родных в Сунженском районе Чечни. И при проверке документов там засветился. Когда местные милиционеры попытались задержать его, он открыл по ним огонь и умудрился скрыться.

Звоним в Сунженский РОВД. Просим прислать копии материалов, постановление о возбуждении дела. А главное – протокол осмотра места происшествия, срочно проверить изъятые гильзы по пулегильзотеке – не было ли ещё преступлений с использованием этого же оружия.

В ответ какое-то искреннее недоумение со стороны руководства отдела:

– Какие осмотры? Какое место происшествия? Какое уголовное дело? Зачем мы всякой ерундой будем заниматься? Не беспокойтесь, найдём мы вашего шакала. И убьём!

Вот так всё просто и рационально – найдём и убьём. И самое главное – единственно настоящему наглядная и эффективная мера по борьбе с терроризмом в тех диковатых горных местах...

– Я видеозапись видел, – говорит один из руководителей угрозыска Ингушетии. – Слушай, чего они творят!

В одном из поселков Ингушетии гвардейцы Кадырова загнали преследуемых бандитов в частный дом. Оттуда бандюки открыли огонь. Последовал штурм. Кадыровцы захватили пленных, разложили их на земле – прям на улице, и каждому всадили по пуле... Такие вот слухи, сплетни, наговоры. Верить или нет? Ну, каждый решает сам.

Что тут сказать? В Чечне ваххабитам и террористам официально объявили непримиримую войну. И там постоянно проводятся какие-то мероприятия, уничтожения боевиков, задержаний, люди неделями сидят в засадах. В Ингушетии тогда порой предпочитали договариваться или прятать голову в песок. Чечены за это ингушей сильно презирают.

Помню, начальника ГУУР Искандера Галимова – это человек суровый, жёсткий руководитель, бывший профессиональный борец, крепкий, грузный, все горячие точки прошёл, переборол разгул бандитизма в Татарстане. Во время очередного террористического обострения летал в Ингушетию и на совещании отчитывал сотрудников угрозыска:

– Вы трусы! Бойтесь бандитов!

С одной стороны где-то эти слова, может, были справедливыми. Но угрозыск на них сильно обиделся. Война делит всех на трусов, равнодушных и бойцов. В розыске бойцов всегда было много. И, кстати, именно оперативники угрозыска – одни из немногих, кто был настроен на непримиримую борьбу с террором и бандитизмом. И многие клали свои жизни.

До сих пор, хотя и сильно потрёпанные, живы традиции уголовного розыска, главная из которых – опора на боевых товарищей, ощущение единого дела и непримиримость к криминалу.

Кстати, только угрозыск не принял участие в той истории, когда, фактически, были взяты в заложники представители инспекторской комиссии центрального аппарата МВД России. Как раз в республике работала плановая инспекторская проверка, когда в Москве был задержан за какие-то злоупотребления тогдашний министр внутренних дел Ингушетии. Его доблестные подчинённые не придумали ничего лучше, как фактически взять в заложники инспекцию МВД и начать торг. Сделали, конечно, это по дури, ибо их могли раздолбать тогда так, что полетели бы клочки по закоулочкам. С другой стороны, может, они просчитали, что тогда на Кавказе было очень неспокойно, шла война, и Москва не будет ввязываться ещё в одно силовое противостояние, не станет демонстрировать, что её же подчинённые готовы на бунт и неповиновение.

Единственно, кто не участвовал в этой безумной аванюре, были сотрудники уголовного розыска. Приехали с утра к проверяющим:

– Тут такие дела нехорошие творятся. Поехали за город – отдохнём, шашлык поедим. Пока тут все не уляжется.

Так и сделали. Потому что опера в розыске – это как кровные братья. Даже невзирая на то, кто где служит...

Глава 8

Род и племя

Командира Ингушского ОМОНа подполковника Нальгиева расстреляли в машине незадолго до нашего приезда прямо рядом с его домом в Карабулаке. Вместе с ним погибли трое его детей, брат и водитель. Пытались и мы работать по этому преступлению, проводили какие-то мероприятия.

Было множество версий. Самая главная, конечно – теракт. Обкурившиеся ваххабиты устроили бойню – не в первый и не в последний раз. Но возникла ещё одна версия, казавшаяся даже более предпочтительной – межклановая борьба и кровная месть.

Была информация, что сцепились два влиятельных рода, между ними пролегла кровь. В этой бойне был убит важный представитель конкурирующего рода – заместитель министра внутренних дел Ингушетии. Возможно, оба этих факта – результат именно межплеменной разборки. Обычно в них первыми выбивают самых влиятельных мужчин семей.

Во всяком случае, я этому не удивлюсь. Чтобы понять силу рода, достаточно поглядеть на ингушскую свадьбу. За длинными столами собрались все родичи. Рядом сидит и прокурор, и находящийся в розыске полевой командир, и банкир из Санкт-Петербурга. Обнимаются, славословят. Потом идут палить в воздух из огнестрельного оружия на радость молодым.

Да, формально они на разных сторонах – прокурор и террорист, которого все ищут. Но их объединяет одно – они из одного рода, а это куда важнее. И они всегда и во всём прежде всего поддержат друг друга, а потом уже будут печься о всякой ерунде, типа интересов какого-то там Российского государства.

Часто проводимые центром мероприятия по наведению порядка наталкивались именно на эти родоплеменные, соседские, земляческие связи.

Со мной работал мой товарищ – Алексей Б. – человек сурового и необузданного нрава. Любимым его занятием было ездить командовать мобильным отрядом в Ингушетии. Он там прямо прижился и нашёл себя.

Из последней командировки привёз пяток возбуждённых в отношении него уголовных дел. Как ни зачистка, так Прокуратура Ингушетии возбуждает дело по превышению власти. Естественно, по повесткам на допросы он не ходил. И однажды руководство прокуратуры припёрлось само – чуть ли не арестовывать.

У КПП выходит навстречу визитёрам дежурный по отряду, выслушивает, что тут командира отряда, оказывается, какие-то мутные типажи пришли допрашивать и чуть ли руки ему закручивать.

– Так, – объявляет дежурный. – Здесь федеральный объект МВД России. И здесь вам делать нечего. При пересечении вот этой линии будет открыт огонь на поражение. Доходчиво объяснил?

Доходчиво. Больше Лёху в прокуратуру на допросы не звали и задерживать не пытались. Зато уголовные дела продолжали возбуждать и копить. Куда они потом делись, эти самые папочки, благодаря которым хотели закопать выполнявшего честно свой долг русского полковника – неизвестно. Больше этот вопрос потом нигде не возникал. Слава Богу, со временем прокурорами республики стали назначать русских, из регионов России.

Мой друг Юрка вспоминает прокурора времён его царствования в мобильном отряде. Хороший был мужик, честный и отважный. Правда, из кабинета не любил выходить – пережил покушение и после этого законно опасался за свою жизнь. Ваххабиты его приговорили. Ежедневно на его охрану выделяли собровцев из моботряда – местным не сильно доверяли.

– Из России? – на первой встрече спросил Юрка.

– Да, – кивнул прокурор.

– Залетели там где-то?

– А как вы догадались? – потупив глаза, произнёс прокурорский чин...

Родоплеменной менталитет что в Закавказских республиках, что в Средней Азии не удалось придушить за долгие годы Советской власти. А тогда со всякими врагами мировой революции не цацкались. И этот самый менталитет адаптировался даже под советскую идеологию интернационализма и классовый борьбы. А сейчас, когда вообще нет никаких идеологий, пришло его время.

О чём это говорит? О том, что от российского правового поля в таких вот экстремальных национальных республиках максимум что имеется, так это узкая полоска, да и та бурьяном заросла. О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?.. И что со всем этим делать?

Листаю журнал «Вестник полиции» за 1904 год. В самом начале небольшая заметка по поводу того, что делать с абреками – то есть нынешними ваххабитами и террористами – на Северном Кавказе. И печальный вывод – по одному их всех не переловишь. Единственная реальная мера, которой они боятся, как огня – выселять из родных мест их семьи.

Ничего не напоминает? Сто лет прошло ведь, а воз и ныне там. И предложение выселять семьями актуальности не утратило. Если они живут родоплеменной структурой, то род и должен отвечать за то, что наворотили его самые социально-активные представители.

Помню, взорвалась очередная шахидка. Берут интервью у её отца вездесущие корреспонденты – мол, полон ли он горя от утраты и от того, что его любимая дочурка унесла жизни нескольких человек. А у того лицо злое и на нём заметная тень тёмного торжества. Заметно, что он не об утрате переживает, а наоборот, горд, что дочурка подалась в шахидки и унесла с собой несколько неверных свиней на тот свет. Вот что с таким делать? Может всё же ввести семейную ответственность. Гнать из республики к чёртовой матери, лучше в холодные края.

Что, противоречит российским законам и принципам права? Так и законы там должны быть другие. И писанные, и неписанные. Кто придумал либеральные принципы права обращать на общество с явными первобытно-общинными и феодальными пережитками?

Тот же Кадыров всё это отлично понимает. Поэтому его предложения, а также и действия, сносить дома родственников боевиков, выселять их за пределы республики идут не от авантюризма и недопонимания сути российского государственного устройства и законов, а, наоборот, от слишком хорошего понимания своих соплеменников.

И ещё один момент. Коли мы хотим в национальных республиках порядок, то нужно исповедовать принцип: «нацкадры решают не все». И вообще лучше, чтобы решали они как можно меньше. Ибо нацкадр печётся об интересах своего рода, а на остальное ему, по большому счёту, глубоко фиолетово.

Руководители республики и правоохранительные органы должны быть из других регионов России. Нет, не то, чтобы обязательно русские по национальности – да хоть чукчи и евреи. Но только не из местной среды. И у силового блока основа должна быть те же самые представители других регионов.

Было же такое. Помню, временные отделы в Чечне в 2000 году. Отлично тогда перемололи вал насилия и терроризма. И управляли районами тогда военные коменданты – это тоже сыграло свою роль в стабилизации обстановки.

Конечно, нормальную жизнь можно обустроить только с опорой на местное население, в том числе в органах власти. Поэтому в руководстве и среди сотрудников без местных кадров тоже никуда. Но они должны быть, прежде всего, заинтересованы в лояльности к Метрополии – к Москве. Тогда, может, толк и будет.

Есть ещё один вариант – дать всё на откуп какому-то мощному местному клану, заручившись его безоговорочной клятвой верности. И пусть они по своим обычаям наводят порядок. Такой подход уже обкатан в Чечне, и, надо сказать, довольно эффективно – республика перестала быть вечно ноющей раной, и преступность там ныне меньше общероссийской чуть ли не в разы. Вот только путь тоже чреват. Рассказывают, что при поездке в Чечню сегодня можно услышать:

– О, у вас хороший президент – Путин. Наш президент Кадыров тоже хорош.

То есть осознание властной вертикали там очень условное, и больше эта вертикаль там держится не на законах Федерации, а на договорённостях и клятвах...

Ну а в идеале национальных республик вообще быть не должно – только губернии, как предлагал Жириновский. И вот тут с ним нельзя не согласиться.

Можно все обустроить, есть варианты. Только для этого нужна жёсткая, идейно сплочённая, сцементированная и прагматичная московская власть. Есть она сейчас? Трудно сказать – во всяком случае, нынешние руководители страны сделали очень много для наведения порядка в потрёпанной девяностыми годами кровоточащей стране. Но все равно остаётся ощущение, что мы идём по тонкому канату над пропастью и все ещё можем рухнуть в хаос и террор. Будет ли такая власть? Ну, это только время может показать...

Глава 9

Белая «девятка»

Расстрелы на дорогах продолжались. Работали по раскрытию активно все службы, но толку все не было.

Шалили бандиты на двух машинах. На пресловутой белой «девятке». И ещё на серебряном ВАЗ-21011 – из такой как раз расстреляли подполковника Нальгиева с семьёй.

Нам всё названивал из Москвы-матушки начальник ОРБ ДепУР – бывший военный, человек достаточно грубый, взбалмошный и сильно необъективный, из тех, которые с шашкой на танки, а потом мужественно отступают. И орал в по телефону:

– Республика с плевков размером! И вы две машины найти не можете!

Не могли. Перекопали все картотеки, проверяли сотни машин. И ничего. Да и местные ГАИ подспорьем нам не являлось. А наши силы были слишком малы, чтобы перекрыть республику. И оперативной информации никакой не было, хоть убейся – ни у нас, ни у ФСБ.

В один прекрасный день нам прислали подкрепление – федеральные силы из Чечни – омовцы, гаишники и патрульные. Они заняли все свободное место на территории мотобригады и ОМОНа Ингушетии, разбили палатки и каждое утро выдвигались к местам несения службы – перекрывали дороги, ключевые узлы, проводили масштабные мероприятия.

– Слушайте, как вы тут живёте? – спросил один из прибывших. – Постоянно стрельба. То ли дело в Чечне – тишина и покой. А тут – только границу пересекли, по нам из зелёнки пальнули – вон, в борту машины пуля застряла...

В дальнейшей суеде я участия не принимал. Отбыл в Москву с грузом «200» – то есть свинцовым гробом, в котором лежало тело убитого врача из Нижегородского ГУВД Сергея Коногова, того самого, расстрелянного в злосчастной «таблетке».

Помню опустошённого, где-то даже надломленного прапорщика, выдававшего нам тело. Он несколько лет отвечал за доставку этих «двухсотых», и на лице его читалась гнетущая обречённость. Он нервно крестился и говорил:

– Жалко ребят. Дай-то Бог, чтобы наши родные не получили такой посылки.

Покидали мы Ингушетию на нескольких машинах. Собровец, помню, инструктировал нас:

– Начинается стрельба – сразу падаете на пол! И не мешайте нам работать! Понятно?

– Понятно! – кивнул я.

И вот граница Ингушетии. Будто с каким-то треском лопнувшего мыльного пузыря пересекаешь невидимую линию, разделяющую два мира. Потом Минводы, аэропорт, гражданский самолёт, а багажное отделение которого загрузили груз «двести».

Весь салон ТУ-154 набит туристами – они с туристическим скарбом, довольные загорелые, в тёмных очках и лёгких одеждах. А я смотрю на них как-то диковато. В нескольких

десятках километров отсюда стрельба, гибнут люди, колесят по дорогам бронемшины. А тут – солнце, воздух, радостные лица. Мне хотелось прямо заорать: «Хрена вы сюда припёрлись? Валите и не возвращайтесь. Здесь война!»

Но в Минводах-то тихо и спокойно. Я пересёк границу того тёмного царства террора и оказался в стабильной скучной обыденности. До неё иногда дотягиваются щупальца с тёмной стороны, но не так часто, чтобы убить в людях радость жизни.

А в это время расстрелы продолжались. Эти самые чёртовы машины колесили по дорогам Ингушетии и стреляли, стреляли, стреляли.

Однажды руководство розыска объявило:

– Хватит ерундой маяться, каждую белую «девятку» проверять, агентуру поднимать. Толку нет. Разбиваемся все по экипажам и колесим по республике. Личный сыск.

– Или живая подстава! – резонно заметили подчинённые.

– Ну, пусть и так. Мы любыми способами должны их уничтожить!

И вот едет такой экипаж угрозыска. Машина обычная, пассажиры в гражданке одеты. Вот только вся забита стрелковым оружием.

И на загородной трассе опера видят ту самую неуловимую белую «девятку», до отказа набитую боевиками.

Дальше начинается блокбастер с погонями. Виражи, скрип тормозов. Прижимают бандитскую тачку к обочине. Машины замирают.

Тут из «девятки» выскакивает боевик и лупит по милицейской машине из ручного гранатомёта. Расчёт верен – после такого заряда в салоне живым остаться никто не может.

И тут происходит чудо. Снаряд РПГ пробивает стёкла милицейской машины. И, не взорвавшись, уходит куда-то в поле.

Понадеявшиеся на этот выстрел бандиты потеряли самое главное, что у них тогда было – время. Какие-то секунды – жалкие и незаметные в обыденности. Но сейчас счёты шли другие, цена секунды равнялась цене всей жизни. А оперативники этих секунд не теряли. И врезали по бандитской тачке со всех стволов. Покрошили гадов в капусту. Банда, на счету которой десятки терактов, убитые военные, чекисты, милиционеры, так вот и закончилась...

А жизнь в Ингушетии продолжается – странная, напряжённая. Что там сейчас? Трудно сказать. Давно не был. Вроде бы вялотекущая война всё идёт. Террористов периодически безжалостно уничтожают, не дают им разгуляться. На их место приходят новые – или фанатики, или безработные, решившие заколотить бакс на крови. Процесс идёт. Былого накала страстей уже нет. В целом ситуация переломлена, и, в общем-то, уровень насилия находится под контролем государства... Наверное. Хочу надеяться...

Ставший родным мотобат переориентировали на охрану порядка. Вроде и розыска уже нет там. И активности былой ребята не проявляют. Жаль. Это был реальный бастион Москвы на беспокойном Северном Кавказе, оплот российской законности, серьёзная оперативная структура. По идее, его бы расширить, дополнить следователями МВД и Следкомитета, да ещё прикомандировать федерального судью и сотрудника Генпрокуратуры. Но не знаю, наверно виднее...

Я глубоко уважаю и жителей Ингушетии, и сотрудников правоохранительных органов, честно выполняющих там свой долг. Если и написал что-то нелицеприятное, то лишь об отдельном негативе, который, к сожалению, существует в природе...

Глава 10

Премия Дарвина

Не суй пальцы в розетку. Не перебегай дорогу в сантиметре перед трамваем. Не стой под стрелой. Есть ещё куча народных премудростей, которые позволяют нам выжить в нашем

высокотехнологичном опасном мире. И обязательно есть те, кто изощрённо и даже с гордостью их попирают. И становятся номинантами Премии Дарвина – калечатся и гибнут по своей дури и безалаберности, или приносят окружающим, да и себе тоже, нешуточный ущерб.

Северный флот. Время советское. Матрос-срочник вышел покурить на палубу в неположенном месте, бросил окурок, куда не надо. И боевой красавец-корабль сторел на радость русалкам и царю морскому. Интересно, сколько сотен лет надо этому раздолбаю-матросику работать без перерыва на обед, чтобы хотя бы за гребной винт расплатиться?..

В Баку мы расследовали дело. Два лётчика показывали друг другу фигуры высшего пилотажа и в конце устроили воздушный бой. Дрались так азартно, что одна машина разбилась вдребезги, другая была сильно повреждена. Ущерб какой-то дикий – ну, сколько новенький истребитель стоит!

Помощник прокурора, помню, умудрился тогда описать имущество лётчиков вплоть до серёжек в ушах их жён, за что получил по шапке – по неосторожным преступлениям обычно имущество не описывается.

Воздушных асов привлекли к уголовной ответственности. Раньше с этим строго было – за народное добро всегда взыскивали...

Один дурачок военный строитель решил в темноте посмотреть, сколько в бочке осталось бензина, и ничего лучше не придумал, как зажечь спичку и осветить бочку изнутри. Иногда каюк бывает яркий и жаркий...

Первый месяц моей службы в военной прокуратуре Бакинского гарнизона. Выезд на стройку. Один вольнонаёмный залез в стационарную бетономешалку – это такая дурында с лопастями в несколько метров. А другой включил мотор. Ну, перемешало бедолагу так, что ни одной косточки целой не осталось...

Прокуратура четвертой армии в Баку. Дело у моего друга было в производстве. Трое солдатиков тянут провод. С молодецким криком дёргают его. Он как хлыст вздымается по дуге. И аккуратно ложится на высоковольтный провод. Три труп...

Да, электричество – страшная сила. Убедился наглядно в этом в Нахичеване в 1988 году. Железнодорожные войска тянули линию для электровозов. Двое бойцов подняли металлическую лестницу. И умудрились уложить её на линию мощностью шесть киловольт. В общем, врезал шайтан-разряд по ним так, что руки обуглились. А сама лестница вошла в грунт, оплавив его – как будто метеорит ударил. Два труп...

А эта история о великой силе идиотии. В вагончике пили горькую военные строители. А их приятели решили изысканно пошутить – в отверстие в двери стали из баллона запускать газ. Пьянчужки пошутили в ответ и к баллону поднесли горящую спичку – вот уж юмор так юмор, Петросян обзавидуется! В результате рвануло так, что на месте происшествия были обнаружены пять обгоревших трупов весёлых затейников. Меня хотели отправить на их. Отбрехался как-то...

Истребитель МиГ-29 – такая красивая машина, аж до дрожи. На стоянке вокруг него жёлтой краской расчерчены линии, за которые, когда работает двигатель, заходить нельзя.

Военный аэродром около Семипалатинска. Техник стоял сзади самолёта и умудрился переступить жёлтую черту в тот момент, когда лётчик «дал по газам». Так беднягу вдоль всего самолёта протащило и в воздухозаборник засосало. Машина повреждена, техник перемолот. Я стою на взлётной полосе и недоумеваю – как же оно такое возможно. А потом думаю – какая же силища в этом двигателе. И преисполняюсь уважением к инженерам и рабочим, создавшим такое чудо техники...

А это из другой оперы – как плохо быть алкашом и жить с алкашами. Муж с женой пили упорно и долго – почти всю сознательную, а заодно и бессознательную, алкогольную, жизнь. Обычно вечерком осваивали от тоски душевной бутылочку «Особой палёной». Потом

жена чем-нибудь не шибко сильно, с уважением, мужа охаживала – тряпкой там по морде или шваброй по хребту. Но аккуратно, без телесных повреждений.

Однажды эта женщина в больницу благоверного все же отправила аж на три недели. И ведь не хотела такой беды. Врезала-то ему всего-то подушкой, любя. Да вот подзабыла с пьяных глаз, что в наволочке этой литровую банку с вареньем прятала...

Глава 11

Кровавое гламурье.

Деньги на киллера она взяла из пиджака человека, которого приговорила к смерти – благо карманы там были широкие. Самого киллера тоже нашла из окружения жертвы – предложила грязное дело его собственному шофёру. Оставалось дело за малым – казнить самого приговорённого и забыть о нём...

Сорокалетний бизнесмен, переживавший кризис среднего возраста, нашёл даму сердца на распродаже девичьих тел – то есть на одном из конкурсов красоты, где она заняла первое место.

Водрузив на голову корону первой красавицы Вселенной и окрестностей, восемнадцатилетняя девчонка считала, что жизнь состоялась – теперь уж молоденькую чаровницу наверняка купят по самой хорошей цене. И не ошиблась в расчётах. Покупатель-бизнесмен был не то, чтобы олигархом, но человеком вполне состоятельным. У него были точки общественного питания, агропредприятия и прочие сладкие атрибуты бизнесменского благополучия.

Он выделил ей новенькую автомашину «БМВ», квартирку, небольшую, но в хорошем районе – все как положено при купле-продаже элитного живого товара. Девушка была почти что счастлива. Одна загвоздка – нрав у её хозяина становился иногда просто невыносимым. Порой, залившись элитной водкой и закушав её чёрной икоркой, он начинал сыпать в адрес своей пассии упрёками – в чёрствости, безделье, дурости и никчёмности. Но это можно пережить легко. Однако после очередной стопочки он начинал говорить страшное:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.